

*Я посвящаю эту книгу
своим прекрасным детям и семье*

Тот, кто злит тебя, овладевает тобой.

KG

A

«Anything is possible!» • Arm Wrestling •
Arrival • Atlanta • Red Auerbach

«**ANYTHING IS POSSIBLE!**» / «**ВСЕ ВОЗМОЖНО!**»

То был 2008 год. Тринадцать сезонов спустя я наконец выиграл гребаный финал и помог «Селтикс» завоевать первое за более чем двадцать лет чемпионство.

Когда прозвучала сирена и игра завершилась, время как будто остановилось. Мой разум застыл. Я пол-игры ждал броска с сиреной, но на деле случился вынос. Мы разгромили «Лейкерс» с перевесом в 39 очков. Конфетти летело с потолка вниз, пока я возносился вверх. Я никогда не испытывал такого кайфа или возбуждения.

Я пребывал в состоянии блаженства: люди хватали меня, обнимали, целовали, плакали; я взглянул на свою жену, увидел детей, членов семьи, друзей, болельщиков, а потом, как бывает в кино, мой мозг вошел в режим перемотки, начав проигрывать какие-то сцены из прошлого, с бешеной скоростью и все разом: вот я прыгаю к кольцу у въезда в гараж дома Билли, хотя едва знаю, как нужно бросать мяч, вот бужу весь квартал в Каролине в пять утра, потому что не могу перестать оттачивать дриблинг; вот я ребенок из деревни, потом уже подросток, пытающийся постичь суровые улицы Чикаго; победы, поражения, шишки, синяки, миллион воспоминаний, миллион часов упорных тренировок, рубил, колотил и рвал когтями, чтобы добраться туда, куда мне было так нужно, и вот я наконец здесь. Репортер Мишель Тафойя держит микрофон у меня перед лицом. Толпа фанатов «Бостона» сходит с ума. Ей приходится кричать, чтобы я мог ее слышать.

«MVP лиги. Лучший оборонительный игрок года. Теперь пришло время добавить к вашему резюме титул чемпиона NBA. Каково это?»

Я прикладываю руку к новенькой чемпионской кепке на своей голове.

«Блин, я сейчас так взволнован...»

Я беру секундную паузу, чтобы собраться с мыслями.

Еще один поток картин начинает мелькать у меня перед глазами: вот я сижу в Ruth's Chris на семейном ужине; вот смотрю, как Ди-Уэйд играет против Чонси в финале Восточной конференции; вот мои трудности в Гринвилле, турниры ААU, бесчисленные игры в бесчисленных парках в бесчисленных районах, вот я движусь к цели, расту, не отстаиваюсь, учусь и горю энергией, которая с каждым годом становится все интенсивнее, я жажду этого успеха, я желал его все свои двенадцать лет в Миннеаполисе, желал выиграть этот трофей для фанатов «Ти-Вулвз», потом для фанатов «Селтикс», я желал этой главной победы, этого чемпионства сильнее, чем чего-либо еще в этой жизни, — сильнее денег, славы или секса. А теперь осознание наконец щелкает в моем мозгу, бежит струйкой вдоль позвоночника, перетекает в мою душу, и тогда я снимаю свою кепку, запрокидываю голову назад и ору как умалишенный:

«Все возможно!»

А несколько мгновений спустя я добавляю: *«Это вершина мира! Вершина мира! Я официально лучший! Я аттестован!»*

Я ору так громко, что мой голос можно расслышать даже за верхними балками, откуда свисают шестнадцать — а вскоре их станет семнадцать — чемпионских полотнищ. Его отзвуки улетают к самым небесам. Я кричу туда, кричу Малику Сили и Элдрику Лиамону, кричу всем, кого любил и потерял. Всем, кто помог мне дожить до этого момента.

Посреди всей этой безумной кутерьмы я вижу Кобина. Я называю его Кобином, или просто Бином (Bean), потому что его отца звали Джеллибин (Jellybean). Бин знает, через что я прошел. Я гнался за ним, гнался за Шаком, гнался за Тимми, гнался за славой их династий, и теперь этот момент принадлежит мне.

«Поздравляю, мужик, — говорит Бин. — Наслаждайся этим моментом, потому что больше таких не будет. Встретимся в следующем году, лошара».

Я вынужден давать отпор, вынужден говорить: «Мы теперь в полной боеготовности. Это не то дерьмо, что было в Миннесоте».

«Поглядим».

«Передавай привет Ванессе и детям, — говорю я. — Люблю тебя, брат мой».

«И я тебя, пес».

Затем я заключаю его в крепкие объятия гориллы, хватая за шею и говорю: «Бин, вы сегодня улетаете?»

«Да, черт возьми, — сказал Коб, — мы сваливаем из этой парашю».

Это прекрасно, ведь я знаю, как сильно он раздражен — Бин ненавидит проигрывать сильнее, чем кто-либо, — но я также знаю, что он счастлив и рад за своего OG¹.

Как и я, Бин свято верит в нестигаемый человеческий дух. Именно этот дух и делает возможным все. Эти слова идут от самого моего сердца, из самого нутра, из жизни, которую я прожил. Эти слова применимы к настоящему моменту, к этой самой секунде, потому что вот он я, чувак с СДВ и СДВГ — и вследствие этого не прочитавший в своей жизни много книг, — пишу сейчас свою собственную книгу. Ну чем не наркотрип?

Синдром дефицита внимания и синдром гиперактивности с дефицитом внимания. Мне диагностировали оба. Также у меня выявили дислексию, а это значит, что любую написанную херню я вижу задом наперед. Я вижу всякое в глазах. Долгое время я считал себя умственно отсталым, до тех пор, пока один мой большой друг — респект Тори Остину — не сказал мне: «Эй, чувак, возможно, это намек на то, что у тебя есть суперспособности». Слова Тори были как нельзя кстати. До того момента я мирился с ощущением собственной колоссальной неполноценности, потому что учителя не слезали с меня из-за того, что я не умел нормально читать. Формальный диагноз мне поставили лишь много позже, когда я уже повзрослел. Будучи деревенским пацаном из Южной Каролины, я не имел доступа к искушенным профессионалам своего дела, которые могли бы выяснить, что со мной не так. Я с трудом справлялся со словами на бумаге.

И все же вот он я, здесь, пишу слова на этой бумаге.

Это одна из причин, по которой я решил структурировать книгу таким вот образом — наподобие энциклопедии, составленной из крохотных статей. Из-за своих проблем с чтением и ограниченной продолжительности концентрации внимания я не отношусь к тем людям, которые могут залечь на диван с книгой на час или два. Я беру книгу, прочитываю страницу-другую, а потом иду дальше по своим делам. Поэтому я хотел написать книгу, которую сам бы захотел прочитать. Я хочу изменить подход, сделать все по-другому. Я никогда не был тем, кто следует правилам. Я не следовал правилам, когда решил пропустить колледж и сразу выйти на драфт. Не следовал им и когда договаривался о круп-

---

¹ Сокращение от *Original Gangster* — изначально так называли авторитетных представителей криминального мира в чернокожих гетто; в 1990-е благодаря влиянию хип-хоп культуры термин распространился, приобретя более широкое значение: «опытный, уважаемый ветеран». (*Прим. пер.*)

нейшем на тот момент контракте в профессиональном спорте. Не следовал им, когда тащил мяч вперед или выходил играть в винге, вместо того чтобы заякориться ближе к корзине, как это делают все остальные большие. Так что и с этой книгой я не собираюсь следовать правилам, уж можете поверить.

Я знаю, что «СДВ» и «СДВГ»¹ должны стоять раньше, чем «Все возможно!», если следовать алфавитному порядку. Есть куча слов, имен и фраз, начинающихся с буквы «А», которые имели важное значение в моей жизни и которые тоже должны были идти впереди фразы «Все возможно!». Например, ААУ, или «Альфа-дог», или «АI». Поверьте мне, чуть позже мы к ним вернемся. Но я должен был начать со «Все возможно!», потому что это *самое* важное. Именно к этому в итоге будет сводиться все, что вы собираетесь прочитать здесь. Вот еще одно словечко: agenda, или «повестка». Давайте начистоту: моя повестка состоит в том, чтобы показать вам, как негатив можно обратить в позитив и как позитив способен изменить вашу жизнь к лучшему. А единственный способ добиться этого — предельно честно поговорить об этом негативе. Об ошибках, которые я совершил. О невзгодах, которые пережил. О боли. Я знаю, что быть честным не всегда комфортно. Это первый раз, когда я решил рассказать о своих трудностях с обучением. Я никогда не рассказывал об этом даже Кубину, хотя он тоже страдал от дислексии. А если быть честным до конца, то тогда я должен также добавить, что не уверен, что это вообще хорошая идея. Я начинаю чувствовать, как сомнение начинает одолевать меня.

Сомнение подставит тебе подножку, развернет на твоём пути, заставит все бросить. Единственное, что удерживает нас от того, чтобы нанести на карту новую неизведанную территорию, — это сомнение. Надо понимать это сомнение. Нельзя устранить его, просто пожелав, чтобы оно исчезло. С ним надо работать. Мы все работаем. Мы должны говорить с этой сволочью. Надо говорить ему: «Понимаю, господин Сомнение. Слышу вас, господин Сомнение. Я знаю, вы хотите помешать мне заняться тем, для чего я предназначен. Но я также знаю, что хоть вы и часть меня, я не намерен позволить вам стать мною *целиком*. Поскольку у меня нет выбора, я буду мириться с вашим существованием. И поскольку я знаю, что поступить так будет умно, я буду пытаться понять вас. Чем лучше я пойму вас, господин Сомнение, тем меньше вам придется говорить. Так что я собираюсь спихнуть вас с водительского места и усадить вашу задницу на заднее сиденье этой машины. Я знаю,

---

¹ ADD и ADHD в английском варианте. (Прим. пер.)

что вы и оттуда будете пытаться управлять ею. Я знаю, что вы будете говорить мне о том, что я движусь в неверном направлении, что я никогда не доберусь до пункта назначения. Поэтому, пожалуйста, сидите там и не высовывайтесь. И хотя эта наша болтовня может длиться вечно, именно мои руки сейчас лежат на руле. Я управляю этой машиной. И я везу себя туда, куда нужно мне».

Эти написанные мною слова символизируют триумф над сомнением. Решительная атака на трудности — единственный способ встретиться с ними, что я знаю, и единственный способ одолеть их. Я откровенно говорю здесь о Кевине Гарнетте, мужчине, игроке, личности, — и том, что потребовалось для формирования этого человеческого существа. Пока я рос, мне было трудно найти любовь. Возможно, эти трудности отчасти объясняют причину рождения на свет чудовища. Это чудовище захватило меня полностью. Иногда казалось, что чудовище уничтожит само себя. Но я благодарю Господа Иегову за то, что в раннем возрасте узрел, что эту энергию можно направить на достижение цели. *Должно* направить на достижение цели. *Должно* использовать ее как инструмент. *Должно* применять ее со стратегическим расчетом. С умом. Чудовище — это энергия, требующая отладки и фокусировки. А энергия — это именно то, что двигает мир. Энергия — это то, что двигает эту книгу.

Предупреждаю сразу: моя энергия иного характера. Ее трудно сдерживать. Невозможно подавить. Моя энергия движется непредсказуемыми маршрутами. Я везде и всюду, и дело не только в СДВГ. Это нечто большее. Более глубокое. Более святое. Называйте это моей сущностью. Моим духом. Мой дух движется зигзагами. Так я жил всю свою жизнь. Поэтому эта книга тоже будет влиять зигзагами. Это еще одна причина такого нелинейного подхода. Это не только единственный близкий мне способ проживать жизнь, но также это способ запоминания и размышления о ней. Я не вижу ни одного повествования, которое было бы прямым от начала и до конца. Я вижу вспышки, рывки, взрывы и извержения. В точности как это было в ту ночь, когда мы взяли титул, когда все эти воспоминания захлестнули мой разум. Если моя история — это мяч, то мяч этот всегда движется. Я веду его, пасую, делаю ложные замахи, навешиваю, заколачиваю данки. В одну секунду я думаю о дерьме, случившемся десять лет назад, а в следующую уже думаю о том, что произошло десять секунд назад. Но, несмотря на все прыжки вперед и возвращение в покой, вы увидите — если, конечно, будете внимательно читать, — что все точки в конечном счете соединяются линиями.

Так давайте же отправимся в путешествие, в котором мы будем ломать сомнения и прорываться сквозь препятствия. Давайте отправимся туда, куда, как нам говорят, ходить нельзя. Давайте делать то, что, как нам говорят, делать нельзя. Давайте дадим волю нашей креативности.

ARM-WRESTLING / АРМРЕСТЛИНГ

с.м. Glen Davis

ARRIVAL / ПРИБЫТИЕ

Я родился в Гринвилле, Южная Каролина, 19 мая 1976 года. Родился с излишком энергии, которую позарез нужно было выплеснуть.

Мама была моим основным каналом связи с внешним миром.

Ширли Гарнетт. Находчивая. Умная. Не из тех мам, что часто обнимают своих детей и подолгу держат их за руку, но из тех, кто следует мантре: «Ты должен научиться делать это для себя сам». Дисциплина. Целеустремленность. Преданность учению «Свидетелей Иеговы». Структурность. Исключительная трудовая этика. Ты *пойдешь* в Зал Царства. Ты *будешь* делать работу по дому. Ты *будешь* делать то, что тебе говорят, иначе... «Иначе» было слишком страшным словом, чтобы даже думать о нем. Поэтому я делал то, что мне говорили.

Мама была львицей, которая вырастила из меня льва.

Вот несколько ключевых фактов:

Я деревенский парень. Каролина — глубокая провинция.

Я парень из дома, полного девочек. Мама, две сестры — старшую зовут Соня, младшую Эшли, — и я.

Я перенял трудовую этику от Мама еще до того, как мне исполнилось пять. Стриг газоны. Рубил дрова. Никакого велосипеда, поэтому всюду я только ходил и бегал: напролом через лес, прыжком через ручьи, ища опоры. Убирал дом каждый день. Все очень аккуратно. Все лежит на своих местах. Все в таком порядке и такой чистоте, что у меня развилось компульсивное расстройство еще до того, как я об этом узнал. Даже сегодня, придя в мой дом, вы увидите, что абсолютно каждая вещь там лежит на своем месте. Нигде нет пыли. Никакой грязной посуды в раковине.

Мы с сестрами драим пол, но мы совсем не против, ведь Мама включила на приемнике Стефани Миллс, которая поет нам «Put Your Body In It» и «You Can Get Over». Тедди Пендерграсс песней «Wake Up Everybody» рассказывал нам, что пора вставать, а МакФадден и Уайтхэд кричали, что их не остановить треком «Ain't No Stopping Us Now».

Олдскульный соул помогал нам справиться с задачами, добавляя монотонной работе немного кача.

Мама учила меня хорошим манерам. Говори «да, мэм» и «да, сэр».

Мама бралась за любую работу. С понедельника по пятницу она трудилась на заводе ЗМ, а по выходным убиралась в домах за плату. В другое время она работала в ночную смену в отеле — с шести вечера до шести утра, — но ей все равно хватало энергии на то, чтобы, придя домой, собрать нас в школу. Я отдаю Маме должное за то, что она вытащила нас всех.

Любовь Мамы была суровой. Поскольку она была человеком жестким, меня она тоже воспитывала жестко. К примеру: я ввязался в драку, когда на меня прыгнули какие-то чуваки сильно больше меня. Я бежал от них как ошалелый. Увидев, что я бегу, Мама схватила меня, остановив, и сломала мне об голову палку.

«Пацан, — требовательно сказала она, — возвращайся и дерись». У меня не было выбора. Я учился боксировать шлепками. Учился борьбе. Учился драке во многих ее формах и проявлениях.

Мама была девятым ребенком в семье, она пробивалась по жизни с боем и видела, как я делаю то же самое. Такой подход может показаться жестоким, но Мама была права.

Но также Мама могла и ошибаться. Однажды я очень сильно порезал бедро с внутренней стороны, когда пытался перепрыгнуть через ворота. Мама промыла мне рану, но отчитала меня за поступок: «Ты не можешь такое вытворять». Но я знал, что это произошло лишь потому, что я немного не рассчитал свой прыжок. На следующий день я вернулся туда, оценил ситуацию и скорректировал свой прыжок. Я перемахнул через ворота с запасом в два дюйма. Я мог такое вытворять, еще как.

Мы теснились в крошечном квартире с двумя спальнями в небольшом, но самобытном районе Гринвилла под названием Николтаун.

У меня были игрушечные солдатики G. I. Joe. Были Хи-Мэны. Трансформеры. Эти фигурки говорили со мной. Я сочинял истории. Постоянно лазил по лесу позади дома, в котором была наша квартира, и там мои воображаемые приключения становились явью. Я мог рисовать картины в своем воображении, мог придумывать персонажей. Мог развлечь себя сам. Мое воображение не знало границ.

ATLANTA / АТЛАНТА

В иные уик-энды Мама сажала нас в машину и два часа везла в Атланту, чтобы там мы увидели то, чего не видели никогда прежде. Такой вот была моя Мама. Мы останавливались в мотелях Days Inn, но это не

мешало ей возить нас по кварталу Бакхэд. «Мы подыскиваем дом», — говорила она. Мы и близко не могли себе позволить хоть какой-нибудь дом в этом фешенебельном районе, где лужайки у домов были размером с бейсбольное поле.

«Видишь вон тот дом на холме?» — спрашивала она.

«Вижу».

«Видишь, как они высадили там красивые цветы? Видишь высокие деревья? Видишь, как здорово благоустроена территория?»

«Вижу».

Маме нравилось рисовать нам картины. Но, несмотря на все эти разговоры о прекрасном, Мама мыслила исключительно прагматично — в финансовом ключе.

«Как думаешь, сколько стоит такой дом, сын?»

«Не знаю».

«По меньшей мере миллион долларов. А может, и больше. Работай усердно, умней, и сможешь построить себе такой дом».

Вслед за этим она говорила, что во многих из этих домов жили чернокожие. Доступ в мир комфорта и роскоши не был зарезервирован только для белых. Несмотря на всю свою строгость, Мама была мечтательницей. И научила мечтать меня.

RED AUERBACH / РЭД АУЭРБАХ

см. Дос